

Евгений КЛЮЕВ

От редактора:

Сейчас подзаголовок книги «Странноведение», выходящей весной в издательстве «Гаятри», — «учебник жизни за рубежом», но задумывалась она вовсе не как учебник. Встретились года уже три назад у меня на кухне главный редактор детского журнала «Кукумбер» Виктор Меньшов и писатель Евгений Ключев. Познакомились, и Меньшов сказал: «А не хотели бы вы, Евгений Васильевич, что-нибудь эдакое для нас написать, чтобы мы не только ваши старые сказки публиковали?» — «А что, очень может быть!» — отозвался Ключев. Сказано — сделано. Вернувшись домой (увы, в Данию), он стал сочинять для придуманной им рубрики «Странноведение» такие вот, как выше, истории и — не смог остановиться: ни до того, как несколько этих историй напечатали в журнале, ни после. Написал 77, и получилась книжка. С картинками — обычное дело! — самого автора. Красивая и смешная. Не сразу, правда, нашла она своего издателя, но вот нашла. И теперь, надеюсь, найдет и читателя — главным образом, среди тех, наверное, кто, как и автор ее, любит играть словами. Хотя, разумеется, не только в этом в «Странноведении» дело. Отсмеявшись над десятком примерно новеллок, я спросила у Ключева: «А Россия и Дания там будут?» И получила ответ — укоризненный, как мне показалось: «Нет. Там все Россия и все Дания!»

Кстати, молодое московское издательство «Гаятри» полюбило не только «Странноведение»: в ноябре на радость многочисленным поклонникам там уже вышла пятый, «исправленный и дополненный», изданием (к тому же — с иллюстрациями автора) книга «Между двух стульев», к Новому году должна появиться в продаже и новая редакция столь же любимой читателями и выдвигавшейся в 1997 году на Букера «Книги теней».

Для новогодней публикации в «Экране и сцене» мы выбрали три «зимних» страны...

Наталья ВАСИЛЬКОВА

Подробности на сайте издательства: www.gayatri.ru

Мой Друг Противоречия, давай
смотреть на жизнь немножко розовее!
Я помню, как, над колыбелью вея,
ты предложил мне в руки взять январь —

и вышло так, что с этих самых пор,
я, обжигая холодом ладони,
хваталась за несчастья, за юдоли,
за блески мира, за пустынный сор,
за никому не нужные слова
из сновидений и ночей бессонных —
и Спарта, кажется, была жива,
и у нее за пазухой лисенок!

Что, Дух Противоречия, что, друг,
как больно жгло нас то, что мы любили!
И мирозданье выпало из рук —
горячим уголечком звездной пыли.

Аляска

Всех нас когда-нибудь учат тому, что называть Наталью Наташкой или Колю Кошкой неприлично, но некоторые этого умудряются за всю свою жизнь так и не запомнить. И настолько забываются, что даже себя неприличным именем называть начинают. Спросишь: «Тебя как зовут?» — а в ответ услышишь: «Борька!»

Ну, сами посудите... куда же это все гонит-ся?

К сожалению, именно так и случилось с жителями Аляски. Много сотен лет назад они настолько забыли все правила приличия, что даже свою собственную землю стали называть Аляской. Хотя, конечно же, никакая она не Аляска! Ее настоящее название звучит гордо и красиво: Аляса. А Аляска — это даже и не название, а противная какая-то кличка.

Поэтому мы с вами — будучи людьми хорошо воспитанными — давайте называть эту самую землю как положено, а именно — Аляса. Жителей же ее мы станем вежливо называть алясевицами и алясевицами, а не аляскинцами, как они сами себя именуют.

Аляса находится далеко на севере, что уже само по себе достаточно грустно. Это значит, что здесь всегда ужасные морозы — и жители Алясы, алясевицы и алясевицы, почти круглый год трясутся от холода.

Впрочем, морозы ничуть не мешают им сохранять присутствие духа и быть весьма разговорчивыми — недаром здесь существует выражение точить алясы: оно означает «разговаривать о чем попало». Жители Алясы занимаются этим с утра до вечера — причем с неподдельным удовольствием! Как ни заглянешь к ним, — все от мала до велика сидят и точат алясы! Скажете:

— Хватит вам, алясевицы и алясевицы, алясы-то точить!

А они только алясово улыбаются и делают вид, что не понимают.

Кстати, улыбаются алясово на Алясе значит — «почти ласково, как бы ласково», потому что тут, на Алясе, все происходит вроде как понарошку. Этим Аляса и отличается от других поселений. Кстати, одна из версий происхождения названия Алясы гласит, что название это принадлежит остроумным французским первопроходцам: они, дескать, и дали местности имя «А la На» — «Как бы так».

С той поры местность называется Аляса — и всем, кто впервые попадает сюда, надо, стало быть, знать, что тут ничего нельзя принимать за чистую монету. Например, алясевицы и алясевицы улыбаются как бы ласково, а на самом деле — довольно грозно. Только повернешься к ним спиной — тут они на тебя и накинут алясо: как бы ласково, да только потолще и покрепче, чем ласко! И считаешься ты отныне их пленником, а с пленниками тут особенно не церемоняются: пленников каждый день снег заставляют расчищать... Несмотря на то, что снег тут идет непрерывно: его что расчищай, что не расчищай!

Следовательно, приезжая на Алясу, бойтесь попасть в немилость к алясевицам и алясевицам! Правда, в остальных-то случаях они не агрессивны: не мешаешь им алясы точить — значит, друг! Вот почему французскую версию происхождения слова Аляса мало кто поддерживает. Большинство склоняется к другим версиям, речь о которых у нас с вами впереди.

Точа алясы, местные жители часто договариваются до полной окалясицы: тем, кому приходилось ее услышать, никогда этого не забудут. Мне, например, довелось однажды присутствовать при разговоре пяти пожилых алясевиц о том, кому на Руси жить хорошо. Так они до того договорились, что оказалось, будто на Руси вообще всем жить хорошо! Ну, сами подумайте: подобная окалясица ни в какие ворота просто не лезет... Некрасов в данном вопросе лучше, чем любой другой, разбирался — и то сказал, что на Руси почти всем жить плохо!

Теперь настало время вернуться к происхождению названия Алясы.

Среди английских ученых споры ведутся между двумя основными группами. Одна из них считает, что слово Аляса восходит к «alia», что в переводе с латыни означает «прочее, остальное». Сторонники этой версии — к счастью, немногочисленны! — объясняют свою точку зрения так: Аляса находится настолько на отшибе, что вообще никому, кроме самих алясевиц и алясевиц, не интересна. А потому, значит, Алясу и не надо включать в понятие «страны мира» — никакая это, дескать, не страна, а так... жалкий и притом скучный довесок!

Но, слава Богу, гораздо больше сторонников у второй точки зрения: они утверждают, что слово Аляса непосредственно связано со словом Alas, а данное слово в переводе с английского означает «увы!». И это очень похоже на правду, потому как чему ж тут, на Алясе, особенно радоваться-то? Снега да морозы... кому понравится? Если бы алясевицы и алясевицы не точили алясы, то и вообще со скуки можно было бы помереть!

Впрочем, и с алясами дни тянутся долго. Вот почему на глаза алясевиц так часто наворачиваются горючие слезы.

— Ты что, алясевица? — нет-нет да и спросит тот или иной сердобольный алясевиц.

— Да так, алясевиц, не обращаю никакого внимания, — слышится тихий ответ. — Скучно мне тут, среди снегов... хоть раненою волчицею вой!

Потому-то алясевицы и придумали для алясевиц развлечение на славу!

Когда алясевицы становятся совсем тоскливо, алясевицы запрягают собак и в специальных таких калясках отправляются со своими алясевицами в заснеженные леса.

Каляски сделаны у них из дерева и представляют собой огромные, что твои дома, сооружения, в которых может поместиться до ста алясевиц и до пятидесяти алясевиц: это потому, что каждая алясевица, как правило, в два раза толще каждого алясевица.

Каляски украшают искусной резьбой, чаще всего — баласинами, выстругивать которые местные жители мастера.

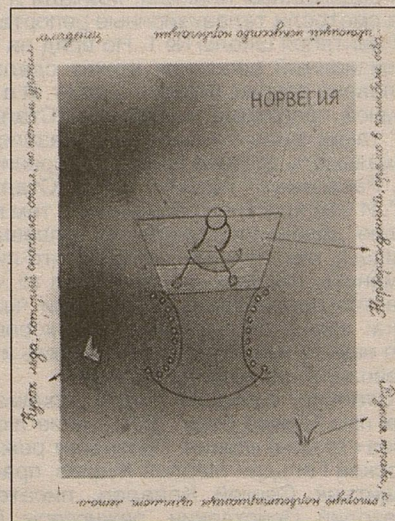
А баласины — это такие пузатые столбики: они идут по всему периметру каляски и придают ей вид какой-нибудь галереи.

Любят алясевицы такие поездки в леса! Занемевшими от стужи пальцами держась за баласины, они всю дорогу хохочут, как сумасшедшие, да бросают на своих алясевиц взгляды, полные огня. И кажется, забывают даже о денно и нощно гложущей их тоске по другой жизни...

В лесах жители Алясы устраивают ритуальные пляски вокруг костра. Для непосвященных пляски эти выглядят загадочными: с криками и аляканьем наступают алясевицы и алясевицы на костер и... тут же отступают от него на безопасное расстояние. А потом падают на снег и начинают кататься по нему взад-вперед, издавая при этом характерные щелкающие звуки. Только вот никому из исследователей местных нравов еще так и не удалось узнать, для чего они все это делают. Некоторые полагают, что таким образом алясевицы и алясевицы заклинаят своих старых богов — скорее всего, вымаливая у них место жительства поужнее. Но в точности, конечно, неизвестно, о чем они просят богов, да и есть ли у них вообще какие-нибудь боги, — ибо подобные вещи никогда не предаются здесь огласке. Алясевицы и алясевицы не любят посвящать чужаков в историю Алясы, а при достижении совершеннолетия каждый из них кровью своих близких подписывает клятву, корни которой уходят в седую древность: «Живешь на Алясе — избегай огляски!»

Потому-то жители Алясы и считаются одной из самых непостижимых народностей мира: по-настоящему в глубину души своеобразной народности этой так еще и не удалось заглянуть никому.

Норвегия

То и дело приходится убеждаться в том, что некоторые совсем не отличают букву «г» от буквы «ж»: из-за этого, кстати, и появляются такие странные производные от слова «Норвегия», как «норвежский»... Ну, подумайте сами: откуда бы тут взялся «ж», когда явно должно быть «г»? Никто же не говорит «жрустно» вместо «грустно» или «габа» вместо «жаба»...

А потом, если бы было такое правило, то и от «Бельгия» образовывалось бы «бельжский», а от «Португалия» — «портужалский», но такого ведь от них никогда не образуется!

Значит, и от Норвегии не образуется. А если не образуется — чего ж тогда образовывать-то?

Вот и получается, что все, кто образуются, ставят себя в совершенно идиотское положение, из которого им потом никогда уже, может быть, и не выйти... Так что я назвал бы такое поведение неадекватным и даже близоруким, а людей, которые себя подобным образом ведут, — сморчками.

Норвегии иногда именуют страной здорового образа жизни, потому что в ней все здоровы, как быки. Ни у одного жителя Норвегии никогда ничего не болит — в их языке даже слова «боль» не существует. Поэтому в Норвегии людям очень трудно объяснить, что с тобой происходит, когда ты от боли — например, боли в животе — катаешься по полу, сучишь ногами и воешь. Любопытный абориген обязательно подойдет и приветливо спросит:

— Простите, могу ли я полюбопытствовать, зачем вы катаетесь по полу, сучите ногами и воеете?

Но как, как, как объяснить ему, что у тебя живот болит, если слово «боль» в местном языке полностью отсутствует?! Вот и приходится выкручиваться: мне плохо, дескать, и все такое. Тогда абориген смотрит на тебя осуждающе и говорит:

— Это, дорогой вы мой иностранец, еще не повод, чтобы кататься по полу, сучить ногами и вить. Мне вот, может быть, тоже плохо, но я же не катаюсь по полу, не сучу ногами и не вою!

Приглядишься к нему, а он, правда, ничего этого не делает. И становится стыдно за себя.

Говорят, что жители Норвегии здоровы, как быки, потому, что не употребляют в пищу мяса — да оно и понятно: иначе зачем бы народность, населяющую эту страну, так прямо и называли — норвегетарианцы?

Строго говоря, слово «норвегетарианцы» представляет собой сокращение от словосочетания «нордические вегетарианцы», то есть «северные вегетарианцы». Между прочим, северные вегетарианцы сильно отличаются от южных вегетарианцев: южные едят фрукты и овощи, которые плотным кольцом окружают их, в то время как северные чаще всего довольствуются тем, что сосут лед.

В короткие же летние месяцы норвегетарианцы обычно разгуливают по небогатым растительностью лугам и щиплют редкую траву. Это на-

Экран и сцена —

зывается здесь здоровый, или норвегетативный, образ жизни. Но, честно сказать, они не только редкую траву щиплют — они и вообще все время щиплются. То за одно место тебя ущипнут, то за другое, то за третье, то за четвертое... скоро на тебе уже вообще живого места не останется, а они все щиплются да приговаривают:

— Добро пожаловать в Норвегию — страну здорового образа жизни!

Как-то раз один человек спросил их, почему они все время щиплются. Но они ничего не ответили.

Когда норвегетарианцы не щиплются, они занимаются плаванием по обильным вокруг них морям и океанам — здесь это называется норвегация. Надо сказать, что почти все жители Норвегии в душе норвегаторы и о норвегационном искусстве знают не понаслышке. Каждый норвегетативный здесь осваивает это искусство, даже еще не вылезая из колыбели: напрудит в колыбель целое море — и давай там плавать! «Норвегатор растет», — с гордостью говорят счастливые родители и пичкают его травой, чтобы рос быстрее и поступал в Академию Норвегации.

Студентов Академии Норвегации называют норвичками, потому что, хоть они и осваивают искусство норвегации уже в колыбели, по отношению к плаванью по морям и океанам они пока еще норвички. Правда, довольно скоро они превращаются в настоящих морских волков — освоение премудростей идет быстро, ибо обучают в Норвегии только и исключительно норваторским методом.

Метод этот состоит в том, что норвичка на утлой лодчонке бросают в штормящую океанскую пучину — и там его утлую лодчонку треплет по чем зря. Сам метод называется «норвотрепка» — и уж будьте уверены: прошедшие такую норвотрепку устоят перед любым испытанием океанской стихией.

Норвегия — страна совсем молодая: на карте земного шара она возникла всего каких-нибудь несколько лет назад. А прежде на ее месте находилась Дания, но потом Дания съехала ниже — и взору открылась Норвегия. Поэтому в Норвегии все новехонькое — прямо с иголочки! Взгляды восхищенных туристов то и дело привлекают высшие по всей стране величественные норвостройки, тиснено ожидающие норвоселов. Тиснено — потому что норвоселье в Норвегии принято справлять не когда захочешь, а только в норволуние, такова тут национальная традиция. Зато уж в норволуние гуляет вся страна — и национальные блюда из редкой травы не сходят с праздничных столов.

Поскольку Норвегия так молода, национальной истории у нее не существует. Это и служит главной причиной того, что события настоящего здесь так тщательно регистрируются: журналисты беспрепятственно носятся с камерами по всей территории Норвегии, увековечивая один текущий момент за другим. Все эти текущие моменты тут же показывают по местному телевидению, чтобы каждый житель страны был в курсе всех подробностей, — в единственной здесь передаче, которая называется «Норвостии». «Норвостии» транслируются по всей Норвегии круглосуточно.

Столица Норвегии называется Нарва, но находится не в самой Норвегии, а чуть ниже, хоть и совсем поблизости, — около Петербурга. Дело в том, что, когда Дания съезжала ниже, она нечаянно зацепила и столицу будущей Норвегии, — так Нарва оказалась вдали от родины. Кстати, потом один из городов на территории Норвегии стал претендовать на звание столицы, но норвегетарианцы сочли такие притязания настолько глупыми, что дали этому городу обидное название Осло, чем навсегда проучили зазнайку. Город до сих пор так и называется Осло — и его охотно показывают туристам, приезжающим в Норвегию, чтобы туристы могли извлечь из этой истории полезные уроки.

Экран и сцена —

Чукотка

Уж чего только ни говорят про Чукотку разные недалекие индивиды... послушай их — прямо жить не хочется... во всяком случае, на Чукотке.

Между тем жизнь на Чукотке — такая благодать! Спросите кого хотите, и кто хотите вам сразу подтвердит: более симпатичного места на земле днем с огнем не найти. И если бы доступ сюда был открыт, — граждане мира хлынули бы на Чукотку как из водопроводной трубы. Но вот уже много лет Чукотка закрыта для посещений.

А жизнь здесь, стало быть, настолько прекрасна, что пролетает, словно одно мгновение: не успеешь оглянуться, как уже и умер! За это Чукотку иногда даже образно называют «Скоротечная Чукотка», подчеркивая тем самым, что время в этих местах мчится вперед, ног под собой не чуя.

Чукотку издавна населяет милый и приветливый народ: чукотики и чукошечки.

Говорят, что первооткрыватели, едва зайдя в отдалении аборигена-чукотика, сразу закричали как сумасшедшие: «Нет, ну до чего же хорошенький — прямо сил никаких нет!» И бросились ласкать его изо всех сил — и заласкали до смерти. Кстати, потом такая же участь постигла, к сожалению, многих чукошечек и чукошечек: в архивах Чукотки хранится бесчисленное количество личных дел, где в рубрике «Причина ухода в мир иной» то и дело встречается запись: «Заласкан(а) до смерти приезжими».

Когда количество таких личных дел перевалило то ли за три, то ли за пять тысяч, Организация Обеденных Наций, в которую входит Чукотка, закрыла страну для посещений. Цель этой акции видели в том, чтобы сохранить для потомства хотя бы некоторых из чукошечек и чукошечек. Акция удалась на славу — и теперь общее количество чукошечек и чукошечек на Чукотке уже не вызывает опасений, да и размножаются, чукошечки, они исправно. В среде этнографов такой бурный прирост населения на Чукотке получил название Великий Скачок.

Население Чукотки было бы еще более многочисленным, если бы не продолжали существовать туристы, которые спят и видят заласкать какого-нибудь чукошечку до смерти. Некоторые из них даже ползком пробраются в страну, загримировавшись под того или иного представителя богатой местной фауны, обычно — оленя, и осторожно выселяют наиболее понравившегося им чукошечку. Усыпив его внимание словесным пением, такой «олень» внезапно выпрыгивает из своего укрытия, набрасывается на чукошечку и начинает ласкать его — прямо сквозь сеть!

Правда, наброситься на чукошечку сеть весьма трудно: чукошечки очень прытки. Поэтому зачастую «олени» безжалостно убивают чукошечек и чукошечек из ружья и ласкают их уже мертвых. Тут-то незадачливого туриста и застает обычно справедливый народный гнев, поскольку, не в силах прекратить ласкать хладное тело чукошечки или чукошечки, турист иногда задерживается возле этого тела в течение нескольких суток, не без основания опасаясь, что подстрелить нового чукошечку для ласк ему в самое ближайшее время едва ли удастся.

Население Чукотки очень этично и никогда не высказывается напрямую. Если чукошечку или чукошечку задают вопрос в лоб (например: «Скажите, пожалуйста, все ли у вас в порядке с желудком?»), они, как правило, немедленно уклоняются от него — и чаще всего спешат произнести: «Это довольно чукошечный вопрос», — после чего тут же начинают говорить о ценах на нефть в районе Персидского залива.

Кстати, по мнению чукошечек, большинство вопросов, которые принято задавать, относятся к разряду чукошечных — известную чукошечность они усматривают даже в самых невинных вопросах типа: «Как вас зовут?». Задать такой вопрос на Чукотке считается остро неприличным. Услышав его, чукошечка, практически всегда краснеет до ушей хоть заязвочку пришей — и, всеми силами уворачиваясь от докучного любопытства, переводит

разговор на другую тему, скажем: «Ой, у вас левый глаз косит... никогда не замечал, что вы косоглазый!» Вот такой этичный народ они, чукошечки.

А уж если чукошечку приходится попросить у другого чукошечки денег взаймы (такая ситуация на Чукотке считается одной из самых чукошечных), то можно быть уверенным, что начнет он очень издалека, — поэтому другой чукошечка только к вечеру следующего дня поймет, чего от него все это время добивался первый чукошечка. Начало же разговора может выглядеть, например, так:

— Доброе утро!

— Доброе... если оно доброе. На самом деле, я не помню ни одного доброго утра в моей жизни. Я родился и вырос в бедной семье. Мы все время нуждались. Зачастую даже приходилось просить милостыню. Стоишь, бывало, у проезжей части дороги с протянутой рукой, а на тебя — ноль внимания. У тебя уже слезы вовсю текут, коленки дрожат и голос садится, а никто тебе на бедность гроша ломаного не подаст. Ближе к ночи скажешь только: «Эх, люди, люди!» — да и отправишься невеселой своей дорогой к холодной и мятой постели...

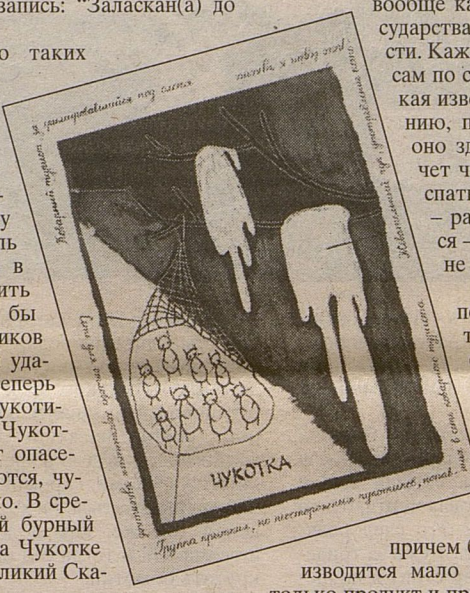
Примечательно, что правды в таких рассказах обычно нет ни на йоту, но это не означает, что чукошечки лгут, ибо на самом деле чукошечки — один из самых честных и открытых народов мира. Что касается приведенного начала повествования, то это — всего лишь образчик одной из форм чукошечского этикета, исключающего напор на собеседника.

На Чукотке нет ни столицы, ни вообще каких-либо признаков государства и государственной власти. Каждый тут живет и умирает сам по себе. Даже поговорка такая известна: по чукошечему велению, по моему хотению... так оно здесь все и делается. Хочет чукошечка есть — ест, хочет спать — спит, хочет работать — работает, хочет чукошечиться — чукошечится. И никто ему не укажет.

Внешней и внутренней политики, разумеется, нет тоже. Нет и экономических, а тем более каких-либо других порочащих связей. Чукотка ничего не импортирует и не экспортирует. Все, что производится в стране, само же страной и потребляется, причем без остатка, так как производится мало чего. Фактически один

только продукт и производится — каучук, что в переводе с немецкого (ср. «kauen» — «жевать») означает «жевательный чук». «Жевательный чук» — это, если кто не знает, такой специальный чук, предназначенный для жевания. До этого жевательного чука все без исключения чукошечки и чукошечки просто сами не свои: достаточно им где-нибудь увидеть жевательный чук, как они сразу хватают его и принимают быстро жевать. Тут все дело в том, что в организме чукошечек и чукошечек не хватает именно тех веществ, которые содержат в себе жевательный этот чук. Они жуют его беспрепятственно — до, как здесь это называется, чукошечки — состояния, одновременно напоминающего икоту, зевоту и рвоту. Когда чукошечка погружается в такое состояние, он порой утрачивает привлекательность — правда, не всю: часть привлекательности остается на месте и продолжает завораживать некоторых из нелегально прибывших в страну. Однако большинство из нелегально прибывших в страну, наблюдая чукошечку, теряет интерес к чукошечкам или даже проникается к ним беспечным отвращением и со словами: «Какое чукошечество!» — покидает Чукотку теми же окольными путями, какими и прибыло. Реакция эта, надо сказать, совершенно неоправданна и даже оскорбительна для местного населения, которое совершенно не виновато в том, что у него такая сильная потребность в жевательном чуке.

К сожалению, убедиться в правдивости всего, что здесь рассказано о Чукотке, нет никакой возможности: страна эта, как упомянуто, закрыта для посещений Организацией Обеденных Наций. Так что единственный способ проникнуть сюда — это ползком, загримировавшись под оленя. Правда, местное население может подумать, что вас интересует не Чукотка в целом, а только отдельный какой-нибудь чукошечка, которого вы, дескать, замерились заласкать до смерти, — и тогда вам несдобровать. Но, между нами говоря, за счастье побывать на Чукотке смертная казнь — не такая уж высокая плата. Как Париж стоит мессы, Чукотка стоит смерти!

Вот зажгу сейчас пять свечек и отправлюсь на покой — счастья своего кузнецик, обязательный такой!

Та ли музыка, не та ли — забирайся-ка в халат: мы свое отстрекотали много лет тому назад — по лугам, тогда зеленым, по полям, тогда пустым, по дорогам беззаконным, где наш след давно простыл — и в простывшем этом следе собирается вода...

Но — чего на свете ради? — закипает иногда. Ждали чет, а вышел нечет — никакого сна в ночи! Слова своего кузнецик, поднимайся, стрекочи...

Дети капитана Гранта

Этот старый фильм на темной пленке светится снаружи и с изнанки, и плетет серебряный паук жизнь, уже прошедшую раз двести, но опять стоящую на месте и не размыкающую круг.

Этот старый фильм на темной пленке... бедный светлячок в стеклянной банке; мотылек, согнутый пополам; муха танцевала на уздечке — боже, как мы были бессердечны — и как бессердечны были к нам!

Этот старый фильм на темной пленке... дорогие, глупые пылинки, тычущиеся во все углы... И от той золотоносной пыли мы с тобой сидим совсем слепые и боимся лучезарной мглы —

прошлого: мы дети, мы былинки, мы стоим с тобою на полянке между морем, небом и землей — где счастливый царствует порядок, — и смеется из тяжелых складок Мебиус с коварной петлей.

Вот почти уже и не видна, вот почти уже и не близка занесенная снегом страна, занесенная снегом строка. И теперь никому не понять, как там жизнь, как там наши дела и куда путеводная красная нить нас вела — и куда привела.

Не спешите умножать письмена, ибо всем письменам грош цена, ибо только бумага — стирай-не-жалей! — и ценна: тем ценней, чем белей. А потом, через несколько лет, так и так мы проступим на свет — словно знак водяной серебрясь сединой на поверхности на ледяной.

Л.Б.

Воспоминания были ветхи, но с ними мы и не дружили: мы рисовали на салфетке грядущего черты чужие — каким-то невозможно синим, как водится у несчастных, и пахнул кофе керосином, и явно не хватало сливок.

Вблизи — и все-таки с изнанки действительности — всё мелькало три ютские официантки цианистые, словно калий, и, изучая эту живность (ведь надо же так расплодиться!), мы то смеялись, то страшились, что нечем будет распахнуться.

Считали эрэ на ладони и перекрестья циферблата, и слезы на твоём подоле, и были дерзки и крылаты: не помню — птицы ль, тени ль, дети ль, и кто бы знал, что был так близок один невидимый свидетель, желанья заносивший в список...